

упоминают о том, что в исследуемом регионе они установили два основных типа жилого комплекса, не исключаящих наличия локальных особенностей. Этого явно недостаточно для того, чтобы широкий круг читателей и специалисты могли получить представление о типологии осетинского жилища и поселений.

Интересны выводы авторов относительно типологических аналогий в жилище осетинского, грузинского, ингушского, чеченского народов. Четко выделены ими социально-исторические и культурные факторы, стимулировавшие взаимопроникновение и взаимообогащение национальных культур. К сожалению, эти выводы недостаточно подтверждены конкретным материалом. Важное значение имела бы аргументация положения авторов о том, что «патронимическая организация в Канском ущелье именовалась грузинским термином комоба...» (стр. 130).

В работе встречаются досадные опечатки, например вместо «поселение» ошибочно напечатано «население» (стр. 161). Немало погрешностей можно найти и в принятых в работе сокращениях.

И последнее: рецензируемую работу безусловно нельзя назвать сборником. Это монографическое исследование двух авторов, посвященное культурно-историческим и этническим связям северных осетин (по материалам поселений и типов жилища).

Отмеченные выше погрешности и недостатки работы тем более досадны, что в целом сборник «Формы жилища и структура поселения горной Осетии» является большим вкладом в советское кавказоведение.

Я. Р. Винников

Н. М. Ведерникова. Русская народная сказка. М., 1975, 133 с.

Работа Н. М. Ведерниковой о сказке отражает как основные достижения, так и те не до конца проясненные вопросы, которые есть в нашей науке. Естественно, Н. М. Ведерникова не ставила перед собой цель решить их, но она четко наметила основные направления, по которым должна продолжаться работа над сказкой: изучение ее жанрового своеобразия, исторического развития, поэтики, классификации и т. п.

Н. М. Ведерниковой тщательно проработан, отобран и введен в научный оборот тот большой аналитический материал, который в основном и составляет научный багаж советского сказковедения. И в этом смысле работа может считаться итоговой на современном этапе изучения сказки.

Это попытка широко, хотя и с явно недостаточным привлечением материала (вследствие ограниченности листажа), представить историю жанра русской сказки, начиная от первых упоминаний сказочных мотивов или сюжетов в древнерусской литературе до интенсивного собирания и изучения в XIX и начале XX в. Исторический материал в работе — своеобразный фон, на котором решаются вопросы поэтического своеобразия сказки XIX в., исследуется ее судьба в наше время. Задача охватить в целом круг интересов науки о сказке определила естественное членение работы, состоящей из историографического введения и четырех глав («Волшебные сказки», «Сказки о животных», «Бытовые сказки», «Сказка и современность»).

В последней главе, отмечая затухание сказочной традиции и на Севере, Н. Ведерникова выделяет те признаки, которые свидетельствуют о разрушении жанра (сокращение сюжета, забвение некоторых сюжетов или мотивов, стремление к реалистичности, подчас к социальности, появление психологизма, стремление мотивировать фантастическое, обновление языка), указывает и на причины как общего культурного плана, так и на своеобразии современного бытования жанра (изменение состава слушателей, переход сказки в детскую аудиторию). В работе ощущается опыт собирательской деятельности исследовательницы и ее собственные наблюдения над жизнью сказки сегодня.

Однако хорошее владение материалом поздних записей иногда заставляет исследовательницу распространять некоторые из закономерностей на сказку в целом. Так, говоря о женских образах в волшебной сказке, в частности об образе матери, которая тревожится за сына, Н. Ведерникова пишет: «Эта передача внутреннего состояния может разрастаться в целую психологическую картину» (стр. 50). И далее приводится отрывок из сказки в поздней (1973 г.) записи.

Психологические переживания героя сказки даются весьма своеобразно, часто через чувство голода и жажды, как отметил П. Богатырев¹. В этом смысле «Белая уточка» в том виде, в каком она приведена в сборнике Афанасьева, не типична для сказки и обнаруживает явное влияние лирической народной поэзии (не случайно плач уточки напоминает причитание).

В последние десятилетия в литературоведении и фольклористике возник ряд новых проблем, которые не обошли и повествовательную стихию сказки. Думается, примени-

¹ П. Г. Богатырев. Изображение переживаний действующих лиц в русской народной волшебной сказке. — «Фольклор как искусство слова», вып. 2. М., 1969.

тельно к сказке проблема художественного времени и пространства² («хронотипа» по М. М. Бахтину) может быть осмыслена как узловая в поэтике сказки и в особом мирозерцании, особом взаимодействии героя с внешней средой.

Дуализм сказки, антитеза, лежащая в основе ее, контрастность, «эффекты неожиданности» (термин А. П. Скафтымова), отмеченные Н. М. Ведерниковой, ощущаются в своеобразном членении внешнего мира на доскуты — пространства. Предложенное исследовательницей деление сказочного времени на время пути и время события поможет и по-разному охарактеризовать пространства (пути и события). Первые — неопределенные, бесплотные, нематериальные, вторые — фантастические.

В 30-е годы, в пору господства вульгарно-социологического направления, народная сказка нередко рассматривалась как поэтический шифр, ребус, за которым угадывались только социальные намеки и характеристики. Отголоски такого анализа можно найти и до сих пор в попытках трактовать сказки о животных как социальные аллегории³.

В таких случаях особенно заметны отрицательные последствия методики прямого перенесения литературоведческих приемов анализа на фольклорный текст, что приводит к неверному пониманию, «к однозначности толкования образов» (стр. 79), к сближению народной сказки с литературной, иногда заведомо аллегоричной. В этом случае учет функции произведения, аудитория, для которой они исполняются, помогают избежать ошибок.

Но предположение исследовательницы, что одна и та же сказка о животных может восприниматься неодинаково в разной аудитории, вызывает сомнения. Н. Ведерникова пишет: «Можно даже предположить, что иносказательность сказки — отвлечение ее от конкретного содержания — будет тем большей, чем развитей аудитория» (стр. 78). Предположение исторически неконкретно. Устойчивая и давняя тенденция перехода сказки в детскую аудиторию снимает это предположение. Но дело не только в этом. Русский сказочный репертуар, как известно, изобилует сатирическими сюжетами. Будь сказка о животных столь склонна к социальным иносказаниям, она была бы приспособлена в качестве сатирической притчи. Наконец, современная классическая африканская сказка (которая, конечно, содержит материал для предположительных общих законов жизни сказки) лишена аллегории и сатиры⁴. Она дает похождения своеобразных образов трикстеров-животных и вся пронизана стихией комического. Народные сказки о животных формируют нравственный облик человека, но не ставят и не могут ставить задачу дать социальную картину общества. Там, где сказка о животных стала сатирой на общественные пороки (скажем, в немецкое средневековье), она подверглась литературной обработке и переосмыслению, т. е. утратила народный характер.

Работа Н. М. Ведерниковой создана в лучших традициях советской фольклористической науки. Ее отличает внимательное отношение к тексту, анализ его не в отвлечении, а в сложном взаимодействии со средой, интерес к непосредственным исполнителям и хранителям сказки, попытки изучать сказку исторически. Монографию характеризует хорошее знание предшествующей исследовательской литературы, которая вводится в оборот не в целях полемики, а с задачей оценить ее как своеобразный на данном этапе итог советской науки о сказке.

² Впервые в фольклоре поставленная Д. С. Лихачевым.

³ Некоторые страницы недавно вышедшей работы С. С. Бардахановой «Бурятские сказки о животных» (Улан-Удэ, 1974) дают примеры подобного подхода.

⁴ См.: Е. С. Котляр. Африканская сказка о животных и архаические формы повествовательного фольклора. — «Ранние формы искусства». М., 1972.

В. А. Бахтина

Фольклор русского населения Прибалтики. М., 1976, 248 с.

Давние и многогранные связи литовцев, латышей и эстонцев с русским народом в области духовной культуры привлекают к себе постоянное внимание этнографов, филологов, представителей других наук. Неуклонное расширение и углубление этих исследований открывает перед учеными новые аспекты взаимодействия и взаимообогащения культур братских народов. Одним из наиболее интересных и перспективных направлений является изучение фольклора русских старожилов в республиках Советской Прибалтики, заметно активизировавшееся в последнее время. Недавно в Латвии и Литве один за другим вышли в свет довольно крупные фольклорные сборники, подготовленные И. Д. Фридрихом и Н. К. Митропольской¹; произведения разных жанров, записанные от русского старожильского населения Прибалтики, периодически печатаются в других местных изданиях. Сборник «Фольклор русского населения Прибалтики», публикация которого предпринята по инициативе сотрудников Института этнографии имени

¹ «Русский фольклор в Латвии». Составитель И. Д. Фридрих. Рига, 1972; «Русский фольклор в Литве». Исследование и публикация Н. К. Митропольской. Вильнюс, 1975.